

Все присутствующие в Зале Заповедей устремили взгляды на Чу Данфэна, с подозрением разглядывая младшего ученика.

Под всеобщим пристальным вниманием Чу Данфэн невозмутимо засунул руку в пространственный мешок и... вытащил ветку дерева мухай толщиной с человеческую руку.

—

—

Чу Данфэн неловко кашлянул:

— Прошу прощения, вещей накопилось много, трудно сразу найти нужное.

После этого старейшина Кун, мастер Цю и остальные наставники воочию наблюдали, как Чу Данфэн извлекает из пространственного мешка ветки мухай, количество которых могло бы составить небольшую гору.

Черные и гладкие, пропитанные обильной духовной энергией и испускающие тонкий аромат ветки явно не были обычным хламом. Проницательные наставники с первого взгляда определили, что возраст этих деревьев мухай насчитывает по меньшей мере тысячу лет.

Старейшина Кун был седовласым стариком с лицом ребенка, по старшинству превосходившим даже главу секты. Он обладал огромным опытом, а из-за того, что годами заведовал Залом Заповедей и вечно ходил с каменным выражением лица, ученики за глаза прозвали его Железнолицым Куном.

Но даже этот Железнолицый Кун сегодня потерял самообладание. Широко раскрывши глаза, он наблюдал, как подрагивают его длинные серебристо-белые брови:

— Откуда у тебя столько древесины мухай?

— Их помог отыскать тот самый свирепствовавший в Персиковой деревне демонический лис... О, наконец-то нашлось! — с пот градом катившимся со лба, Чу Данфэн вытащил тушу демонического лиса, думая про себя: стоит только обменять эту древесину мухай на духовные камни, как его первым делом станет покупка высокоуровневого пространственного мешка! Вытаскивать вещи вот так по одной — просто невероятный позор! А после извлечения трупа лиса запихивать ветки мухай обратно по одной — и вовсе жуткий стыд!

— П-почему этот демонический лис выглядит так? — сорвалось на визг у Тан Индун.

Её наставник Цю Цанъюнь тоже поднялся с места, сошел с возвышения и нахмурился:

— Это демоническая ци.

— ...Как такое возможно? — тут же отозвался Лю Яньбай.

Однако улики были слишком очевидны, и как бы трудно ни было в это поверить, спорить было не о чем: тело лиса от шеи до груди и живота почернело отжогов, а демоническая ци клубилась столь густо, что не было никакой нужды исследовать её с помощью духовного восприятия.

Заметив взгляд Лю Яньбая, Чу Данфэн на автомате пояснил:

— Я выполнял задания секты. Раз буйствовавший демон мертв, разумеется, я должен принести его тело для отчета.

Но стоило словам сорваться с губ, как Чу Данфэн пожалел об этом. С какой стати он вообще оправдывается? Он изначально и не планировал ни в чем «оклеветать» Ли Баня!

Выражение лица Лю Яньбая мгновенно смягчилось, он с раскаянием произнес:

— Данфэн, я был неправ, обвиняя тебя.

— Ты еще кто такой? Разве можно тебе звать Данфэна по имени? — раздался звонкий детский голос.

Маленький кругляш загородил собой Чу Данфэна. И хотя ростом он едва доставал взрослому до пояса, в его позе сквозило внушительное, грозное величие.

Просто... истинный главный герой, что и говорить!

По идее, если собственный ребенок вот так дерзит постороннему, любой нормальный родитель должен был бы выступить вперед и полушутя-полусерьезно прикрикнуть: «Невежливо!», чтобы соблюсти приличия. Но Чу Данфэн вовсе не собирался этого делать. Он лишь вытащил складной веер и принялся легонько постукивать им по ладони, делая вид, будто его до крайности увлекло разглядывание веера и он вовсе не замечает, как ребенок отчитывает окружающих.

Увидев это, Лю Яньбай беспомощно улыбнулся и обратился к Хуа Тинсюаню:

— Ты ведь младший ученик, которого недавно взял старейшина Мэн? Ты только прибыл и

многого не знаешь: мы с твоим пятым старшим братом... некогда были очень близки. Раз уж ты находишься на попечении Данфэна, то и мне приходишься младшим братом. В любое время можешь приходить ко мне на пик Чжэньюй, если захочешь чего-то вкусного или интересного — только попроси.

Однако малолетний кругляш и не подумал вестись на это:

— Что-то я не заметил, чтобы вы были близки с моим старшим братом. Едва переступив порог, сразу принялись его обвинять, а теперь еще и набиваетесь в друзья — какая толстая у вас кожа!

Звонкий детский голосок был полон сил; он раскатывался по всему просторному Залу Заповедей, отчетливо долетая до ушей каждого присутствующего и заставляя лицо Лю Яньбая то бледнеть, то краснеть.

Чу Данфэн мысленно подумал: Отлично отбрил! Прекрасно! Не останавливайся!

В то же время, раскрыв веер, он не слишком искренне произнес:

— Сяньюй брат Лю, Сюаньэр еще мал и говорит первое, что приходит в голову, не держи зла.

А если держишь — значит, ты мелочный человек, раз ссоришься с ребенком!

Пухленькое личико Хуа Тинсюаня задралось вверх, и он звонко выпалил:

— Старший брат, я не говорю глупостей! Этот человек даже ни в чем не разобравшись решил, что ты кого-то оклеветал. Я знаю Ли Баня — это тот мерзавец, из-за которого у тебя раскололось золотое ядро. Золотое ядро раскололось ведь не у Лю Яньбая, с какой стати он требует, чтобы ты его простил?

Отлично приложил!

Некоторые вещи взрослому Чу Данфэну было бы не с руки произносить самому — сочли бы мелочным или даже заподозрили бы в попытке очернить память покойного. Но детям позволено говорить всё, что угодно — как хочет, так и жалит!

Чу Данфэн мысленно заливался горькими слезами: в критический момент этот ребенок оказался невероятно остр на язык! А ведь ему всего пять лет! Истинный главный герой, ничего не скажешь!

С другой стороны, шестой младший братик в детстве был поистине очарователен. Жаль, что, когда он вырос... Впрочем, не стоит забывать, что он сам позарился на чужую женщину, так

что он и сам хорош как старший брат.

Хуа Тинсюань дернул Чу Данфэна за рукав:

— Старший брат, Сюаньэр устал, я хочу вернуться на пик Лисюй.

Чу Данфэн взъерошил макушку младшего брата, вкратце пересказал то, что они увидели и услышали в горах Хуань, а затем обратился к наставникам:

— Если больше ничего нет, могу ли я удалиться, старейшины?

Цю Цанъюнь махнул метелкой из конского хвоста:

— Оставь тело лиса и ступай.

Чу Данфэн отвесил по поклону Цю Цанъюню и Кун Цинфэну, убрал оставшуюся древесину мухай и, не удостоив Лю Яньбая даже взглядом, решительно повел младшего брата за руку на выход.

В историю с падением Ли Баня во владение демонов Чу Данфэн на самом деле не слишком верил, но ему было глубоко плевать. Он сдал тушу демонического лиса, а вся остальная гора проблем его больше не касалась. Ему даже не хотелось слушать, какое преступление в итоге инкриминируют Ли Баню. Теперь его мешочек Пустоты был доверху набит бесценным бесчувственным деревом — это настоящее внезапное богатство! Для того, кто всей душой желал лишь спокойной старости, разве не было главной задачей превратить всё это в ликвидные ценности?

Чу Данфэн вернулся в задний зал, где выдают задания, и разом обменял все безчувственное дерево на духовные камни. Стискивая в руках мешок, полный высокочеловеческих духовных камней, он чувствовал сильное волнение и, соря деньгами направо и налево, спросил Хуа Тинсюаня: — Чего бы тебе хотелось? Старший брат тебе купит!

К сожалению, малыш был совершенно невежественен и с ходу потребовал дешевой и простой в приготовлении тушеной гусиной грудки, да еще и попросил, чтобы Чу Данфэн приготовил всё сам.

Впрочем, Чу Данфэн был в отличном настроении, а потому с легкостью согласился: — Тогда сходим на кухню трапезной, купим двух жирных гусей, а как вернемся на пик Лисюй, старший брат тебе их приготовит.

Если подумать, в отлучке он провел так много времени и питался исключительно простой деревенской едой, что Чу Данфэн и сам соскучился по собственному кулинарному искусству. Не возвращавшись целых полмесяца, он сильно тосковал по своей бамбуковой хижине: пусть она и была слишком уединенной, но любоваться цветами и дразнить птиц — разве это не прекрасная жизнь на пенсии?

Однако он никак не ожидал, что по возвращении на пик Лисюй об умиротворении придется забыть: оказалось, что вторая старшая сестра Е Байлу вернулась из странствий, а старший брат Чжоу Юаньшань и третий брат Хуан Чантянь вернулись, чтобы поприветствовать сестру.

На пике Лисюй издавна существовала традиция: старшие опекают младших. Чжоу Юаньшань и Е Байлу поступили в секту практически одновременно и были старше остальных соучеников, а самого Чу Данфэна вырастила именно Е Байлу.

Е Байлу была высокой, подтянутой и исполненной боевого задора женщиной-культуратором, уже достигшей поздней стадии Золотого Ядра. Внешность тех, кто ступил на путь бессмертия, с трудом поддается разрушительному влиянию времени, и выглядела она от силы на два десятка лет, однако обладала мощной аурой и крутым нравом — даже старший и третий братья в будние дни предпочитали уступать ей три фута. Но стоило ей лишь зависеть Чу Данфэна, как у Е Байлу тут же согнулись от улыбки брови и глаза, весь ее облик смягчился, и она принялась отчаянно махать рукой: — Сяо У, иди сюда, дай старшей сестре посмотреть на тебя!

Уголок глаза Чу Данфэна дернулся, и одновременно с этим он отчетливо почувствовал, как крошечная ручка, сжимавшая его рукав, стала еще крепче.

— Ничего страшного, это наша вторая старшая сестра, — тихонько пояснил Чу Данфэн Хуа Тинсюаню, после чего неуверенно зашагал вперед.

Е Байлу принялась и щеки ему щипать, и голову наглаживать — в общем, основательно его потрепала, а затем недовольно произнесла: — Похудел.

— Старший брат, Третий, как вы тут ухаживали за младшим братом?

— ... — в отчаянии подумал Чу Данфэн. — Да сколько мне лет, за мной не нужно ухаживать, старшая сестра, перестань вечно относиться ко мне как к ребенку.

— В глазах старшей сестры ты всегда ребенок, — прищурилась Е Байлу. — Я ведь тебе и пеленки стирала!

Чу Данфэн: —

В прошлой жизни Чу Данфэн вселился в это тело еще младенцем, и каким бы зрелым ни был его душу, некоторые вещи детское тело просто не могло контролировать... Назло всему именно эти неловкие воспоминания из его раннего детства Е Байлу обожала упоминать больше всего. И хотя Чу Данфэну было неловко, злиться на нее он не мог: он знал, что на всем пике Лисюй Е Байлу, пожалуй, была единственной, кто его не ненавидел.

После того как в прошлой жизни он погиб в соответствии с сюжетом, она, наверное, была единственной, кто опечалился и пролил по нему слезы.

Что уж говорить о четвертом брате Фан Циняе — тот был его заклятым врагом; шестой младший брат Хуа Тинсюань и седьмая младшая сестра, которая в то время еще не поступила в секту, после его смерти, должно быть, тут же радостно уединились вместе; старший брат Чжоу Юаньшань и третий брат Хуан Чантянь тоже глубоко презирали его — мрачного и раболепного никчемы, — и даже достопочтенный наставник то и дело распекал его.

Когда Чу Данфэн думал об этом, на душе у него становилось немного горько: хотя на девяносто девять процентов в этом была виновата Система, прожил он свою прошлую жизнь откровенно неудачно.

Пока Чу Данфэн погрузился в собственные мысли, Е Байлу уже переключила свое внимание на маленького Хуа Тинсюаня. Этот младший ученик уродился таким фарфорово-резным, что просто вызывал умиление, и вторая старшая сестра вновь принялась восторженно его тискать.

Было заметно, что старшая сестра и впрямь души не чает в младенцах.

Увидев, что внимание Е Байлу переключилось, Чжоу Юаньшань и Хуан Чантянь с огромным облегчением выдохнули — теперь их больше не станут отчитывать вопросами о том, почему они не уберегли младшего брата.

Чу Данфэн прекрасно понимал, что эти двое старших братьев не жалуют его своим общением, а потому благоразумно и молча остался стоять в стороне, держась от них на почтительном расстоянии.

В этот самый момент откуда-то издалека повеяло знакомым давлением — это возвращался наставник!

Наставник ведь должен был лечить Фан Циняя, и если он покидал уединение сейчас, то, скорее всего, тоже ради того, чтобы поприветствовать Е Байлу.

У Чу Данфэна как раз было дело, о котором он хотел доложить наставнику. Тот Трава скрещенных жил Яолан, хоть и идеально подходил для исцеления его поврежденного Золотого Ядра, в то же время являлся предначертанной судьбой возможностью Хуа Тинсюаня. Мухи отдельно, котлеты отдельно — он вовсе не собирался бессовестно пользоваться имуществом ребенка. Лучшим выходом было доложить обо всем наставнику, передать находку ему на временное хранение, а когда младший брат вырастет и станет взрослым, вернуть ее ему — пусть тогда сами решают, как с ней поступить.

Однако не успел Чу Данфэн и рта раскрыть, как Мэн Цаньюй первым завел речь о другом: — Байлу, ты как раз вовремя вернулась. Сяо Тинсюаня ты уже видела: я человек занятой, воспитывать его сам не могу, поэтому в последнее время поручил заботу о младшем ученике Сяо У, но Сяо У он...

Мэн Цаньюй замолчал на полуслове и смягчил фразу Чу Данфэна «Чу Данфэн не любит этого ребенка» более обходительной формулировкой: — Парни не так внимательны, как ты. Не согласишься ли ты взять на себя заботу о младшем брате вместо наставника?

<http://bllate.org/book/20986/2130550>